

Глава 12.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО: ПЕРЕХОД К ПОСТМОДЕРНУ

Л.В. Лесевицкий

Пермский финансово-экономический колледж
г. Пермь, Россия

В исследовании поднимается актуальный вопрос образа человека будущего в философии постмодернизма. Автор связывает становление данной философии с кризисными явлениями человеческой цивилизации: утратой человеком бытийственного самопонимания, наличием синдрома «экзистенциального вакуума» у большинства жителей Запада, фактором стирания границы между виртуальным и реальным. В исследовании предлагается парадигмальный переход от постмодерна к сверхмодерну (в терминологии С.Е. Кургиняна), что будет являться залогом более гуманного образа человека будущих эпох.

Современная человеческая цивилизация не является единой, она расколота не только по религиозному, идеологическому, социальному признакам, но и по парадигмальному направлению. В качестве цивилизационного эталона современному человечеству предоставили постиндустриальное общество с «идеологической начинкой» в виде философии постмодерна. Постмодернистская парадигма зародилась в глубинах модерна, для эпохи модерна был характерен глобальный проект человека будущего, который воплощался в разных формах. Христианский человек и личность «эпохи идеологий» были порождением модернистского направления, об этом феномене пишет немецкий философ П. Козловский. Первые христиане эпохи античности называли себя современными людьми, по сравнению, например, с язычниками. Взгляд на исторический процесс как на концепцию обновленного виденья мира вполне подтверждает тезис о том, что христианство и модерн достаточно тесно взаимосвязаны между со-

бой: «По такому определению эпоха модерна начинается уже с изгнания первого человека Адама из рая» [10]. В Новое время христианский человек модерна был заменен «человеком идеологическим», но и он не потерял своей глубинной взаимосвязи с «проектом модерна»: «Модерн в этом смысле нельзя считать эпохой ни в широком толковании (как в христианскую эру), ни в узком толковании модерна как эпохи Нового времени. Модерн как идеология – это не эпоха, а мировоззренческий проект, точно определяемый понятием Хабермаса «проект модерна» » [10]. На рубеже смены веков философией постмодерна была сконструирована другая «модель» человека будущего, разумеется, что в планетарном масштабе индивид постмодерна еще не восторжествовал. Нам важно увидеть и пристально рассмотреть его образ, является ли «прокрустово ложе» постмодерна приемлемой для всех цивилизаций общей «столбовой дорогой». Какими свойствами наделяет личность философия постмодерна? Не утратит ли подобный человек будущего все человеческое в себе? Не констатирует ли философия постмодерна смерть «ветхого» индивида эпохи модерна?

Прежде чем приступить к ответу на данные вопросы, необходимо сделать предварительное замечание. По нашему мнению, философия постмодерна – это не философия пессимизма, как думают многие, это не «идеологическое нагромождение» – сами постмодернисты отрицают любые идеологии. На наш взгляд, эта философия – зеркало духовной ситуации эпохи, ее сущностное отражение. Впрочем, некоторые крупные мыслители напрямую связывают появление данной философии с процессом глобализации. А.С. Панарин писал: «Моя гипотеза состоит в том, что технологии деконструкции, разработанные на основе аналитики постмодерна (Ж. Деррида, Д. Делёз, Ж. Бодрийяр и др.), сегодня используются заинтересованными «актерами глобализма» для того, чтобы похитить у внезапно лишившихся государственной национальной самозащиты туземных масс не только их материальное, но и их символическое достояние, связанное с прежними средствами коллективного социокультурного самоутверждения» [13, с. 128].

Несколько ниже А.С. Панарин раскрывает причину, по которой глобализаторы используют методологические разработки именно представителей философии постмодерна. Перед «золотым миллиардом» стоит задача сохранения своего господствующего экономического положения в мире, необходимо наиболее «безболезненно» остановить развитие остальной части человечества, нужно «подморозить исторический процесс» и философия постмодернизма предоставляет такие возможности. Глобализируется неравенство потребления: «Если в начале XIX века средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили показатели стран, ныне относящихся к развивающимся, в 1,5–3 раза, а в середине XX – в 7–9 раз, то существующий в наши дни разрыв составляет 50–75 раз» [3, с.87]. Для «золотого миллиарда» существует опасность восходящего развития и интенсивного экономического роста других регионов мира, Западу необходимо ограничить потребление материальных благ другими цивилизациями.

Достаточно интересный образ человека будущего в контексте наших размышлений рисует Ф.Фукуяма в своей книге «Конец истории». Человек в системе его рассуждений – это пассивное и самодовольное существо, лишенное любых сверхличностных мотиваций своей деятельности. Ему уже не надо стремиться к утраченной надличностной метафизике, он не желает жертвовать собой ради великих идеалов прошлого. Настает эпоха распада любых метафизических концепций, их постмодернистское «ржавление» и демонтаж. Сама идея дальнейшего развития исторического процесса ставится под сомнение, человек будущего в философии Ф.Фукуямы предстает в своеобразном «сомнамбулическом сне». И именно такое «сомнамбулическое состояние» миллиардов людей нашей планеты существенно стабилизирует современный мир, приостанавливает его дальнейшее развитие: «Последний человек в конце истории знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом, решая, следует быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком, немцем или французом. Верность флагу, которая вела людей на отчаянные акты храбрости и самопожертвования, последующей историей была квалифицирована как глупый

предрассудок. Современный образованный человек вполне удовлетворен видением дома и одобрением самого себя за широкие взгляды и отсутствие фанатизма» [19, с.460]. Развитие прекратилось, постмодернистами разрушена сама идея прогресса.

Таким образом, осязаемой чертой человека будущего философии постмодерна будет являться его пассивность, «сомнамбулическое состояние», пресыщенность, нежелание что-либо менять, мир становится статичным, но не пластичным как ранее. Но как быть с пассионариями, жаждущими развития, как поступить с подобными личностями? Необходимо их успокоить, подавить их активность, сделать их внушаемыми.

В связи с этим необходимо коснуться одного из основных вопросов нашей конференции – взаимосвязи образа человека будущего с системой образования и воспитания, человек будущего во многом формируется именно данными системами, но не только ими. В данной связи постмодерн тоже предлагает ряд фундаментальных изменений по сравнению с модерном. А.С. Панарин пишет: «Замысел, лежащий в основе демократического проекта модерна, состоял в том, чтобы свести к минимуму роль наследуемых, стартовых условий, фатально предопределяющих судьбу личности в традиционном словном обществе. Теперь же предполагалось, что люди, получившие современное образование, тем самым получают возможность перерешать свою судьбу на основе самых дерзновенных планов («каждый американский мальчик может стать президентом», «каждый советский мальчик — космонавтом или академиком»). Таким образом, новая система массового образования работала в духе мобильной вертикали — как определенный эскалатор истории, выносящий тех, кто на нем находится, из «темного прошлого» в «светлое будущее». Во-вторых, единое образовательное пространство обладало мощной интегрирующей способностью по пространственной вертикали. <...> Что же проделывают деконструктивисты глобализма с этим важнейшим из наследий классического модерна? Прежде всего они подходят к системе просвещения с предрассудками утилитарной экономической «телесности». Знаменитые рыночные «секвестры» в первую очередь означают, что экономикоцентристско мыслящие прагматики

разделяют известное из «пролетарской» истории предубеждение в отношении культурно-образовательной надстройки. <...> Именно в таком направлении работают нынешние творцы образовательных «реформ» в России, ссылающиеся при этом на требования Болонского консенсуса и другие новшества глобализма. Наряду с этими редуционистскими процедурами, приспособляющими образовательную систему к заказам и возможностям рынка, реформаторы пользуются и процедурами социальной сегрегации. Единое национальное образовательное пространство «постмодернистски» дробится на внешне неупорядоченную мозаику, в которой, однако, просматриваются некоторые «классовые смыслы». Образовательная система делится на две неравные подсистемы: платную, привилегированную и бесплатную, становящуюся прибежищем изгойского большинства. Разный набор предметов, разная техническая оснащенность, разные социальные и профессиональные перспективы...» [13, с. 137].

Единая ранее система образования демонтируется на две части: платежеспособная элита общества получает более полное и в этом смысле классическое модернистское образование, остальная же часть общества, относящаяся к неплатежеспособному большинству, остается в другой образовательной системе. Речь идет о создании послушного субъекта, которым можно будет легко манипулировать, именно через эту технологию осуществляется снижение пассионарной активности целых этносов. Идет воплощение идеи создания «многоэтажного человечества», для элиты – верхний этаж, другие этажи – для всех остальных. Данная социальная конструкция может напоминать жесткую кастовую систему Индии, привилегии будут передаваться по наследству. Данные изменения большинства образовательных стандартов современных государств вполне укладываются в постмодернистскую концепцию «конца истории». Постмодернистский отказ от поиска истины, сущности и смысла – является этапом глубокой работы с человеком, из него хотят сделать послушного робота, своеобразную куклу, которой будет легко манипулировать. Один из самых авторитетных современных социальных философов С.Г. Кара-Мурза пишет о раздвоении единой системы образования на два коридора: «Сеть "А" производит из каждого индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном

разделении труда (комиссар полиции или преподаватель университета, инженер или директор и т.д.), активного выразителя буржуазной идеологии. Напротив, сеть "В" сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных. В то время как будущие пролетарии подвержены жесткому и массовому идеологическому воздействию, будущие буржуа из сети "А" овладевают, невзирая на молодость, умением использовать все инструменты господства буржуазной идеологии» [9, с.149].

Казалось бы, какое значение в данных «событиях» играет философия постмодерна? Глобалисты достаточно широко используют методологические разработки постмодернистов. Дело в том, что данное направление философской мысли не пытается найти сущность явлений, не ищет метафизических глубин, происходит мировоззренческий отказ от поиска истины, мысль человека должна скользить по поверхности (резюме). Реализация этого амбициозного проекта возможна через изменение образовательных систем. У большинства жителей планеты должен быть сформирован «калейдоскопический идиотизм», когда вместо полной и четкой картины мира формируется урезанное мировоззрение-калейдоскоп. Таким людям кажется, что все случайно, кругом только хаос бессмысленных явлений, а в их мышлении демонтированы причинно-следственные связи, их мировоззрение подобно воску, из которого любой манипулятор сможет вылепить все, что пожелает. Неполнота знаний, а иногда их отсутствие, не позволяет правильно ориентироваться в мире, в головах миллиардов людей искусственно создается хаос. Однако в идеале необходимо формировать не калейдоскопическое, а мозаичное мировоззрение. Мировоззрение, которое формируется на основе всей полноты знаний о мире, где знания занимают свою нишу, а не располагаются хаосообразно, все знания систематизированы и структурированы: «Мозаика. Здесь цветные «камешки» (знания, явления, факты, события) укладываются в мозаичное полотно. Все взаимообусловлено и взаимозависимо. Никакого хаоса нет. Мир един и целостен, и все процессы в нем упорядочены определенным образом. Мозаичное

мировоззрение формирует целостную картину» [14,с.104]. Именно человеком с таким мировоззрением трудно манипулировать, но это означает определенный разрыв с парадигмой постмодерна.

Постмодернистами достаточно четко и всесторонне описано общество спектакля, в котором исчезают все смыслы, словно в бездну проваливаются подлинные значения, а затем и все идеальное. Человек постмодерна живет в мире симулякров – моделей реальности, и, чтобы снизить риск его возвращения к своей самости, к реальности, а не виртуальному и манипуляционному, нужно было повсеместно снизить качество образования. Индивид начинает искаженно воспринимать мир, и в этом смысле он, безусловно, становится апатичным субъектом «конца истории».

Но здесь скрывается существенная опасность, убеждение в том, что индивид с «калейдоскопическим мировоззрением» легко управляем, является отчасти ложным, невозможно полностью стерилизовать деструктивное в человеке, он может сделаться совсем неуправляемым. Постмодернисты закладывают под фундамент человеческой цивилизации мину замедленного действия. Опасность демонтажа системы образования классического модернистского типа, по мнению С.Г. Кара-Мурзы заключается в следующем: «А ведь учительство пошло на этом пути дальше – оно молчаливо согласилось с тем, чтобы школьное образование перестало быть всеобщим. Без шума у нации отняли огромное завоевание, сразу отбросив Россию в разряд быстро отстающих стран. И никакими экономическими соображениями это оправдать невозможно – вложения в квалификацию рабочей силы везде и всегда являются самыми рентабельными. Но дело и не в экономике. Сегодня, в отличие, скажем, от начала века, отлучение от образования есть выбрасывание из общества. А переход к платному образованию есть неминуемое отлучение от него значительной части подростков. Тем самым сразу отбрасывается, как ненужная тряпка, миф о демократическом «обществе равных стартовых возможностей».

Что же стоит за планом вытеснения из общества, превращения в маргиналов значительной части молодежи? Ведь известно, что эта молодежь не пойдет на рынок труда «по дешевке». Она озлобляется и начинает «войну всех против всех» доступными средствами – через

преступность, или уходит в наркоманию. Зачем же это делается? Ведь в сотни раз дешевле дать человеку образование, чем защищать общество от него, ставшего волком. Разумная причина проста – и опять-таки вскрыта социологами западного общества. Эти озлобленные подростки и юноши выполняют двоякую роль. Во-первых, они, как хищники, сплачивают стадо «благополучных» обывателей вокруг пастуха-государства, которое их охраняет. Угроза насилия «маргиналов» даже специально преувеличивается средствами прессы и искусства (вспомните типичные американские фильмы). Во-вторых, из этих волчат, самых бедных и неграмотных, рекрутируются и натаскиваются безжалостные репрессивные силы режима, способные на любое зверство против людей своей страны – раз эти люди более благополучны, им надо мстить» [9,с.162].

Одним из первых в истории мысли обо всей опасности постмодернистского общества спектакля предупредил человечество Достоевский. Люди, задумавшие украсть у человечества историю, переместили его в мир иллюзий и симулякров, современный человек отчужден не только от себя, но и от подлинной реальности. Предупреждения Достоевского касаются и вопроса о свободе в современном «обществе спектакля». Ф.Фукуяма пишет о конце истории еще и потому, что дискредитированы все идеологии, настала эра неограниченного потребления материальных благ и свободы. Но после краха тоталитарных идеологий, на наш взгляд, не произошло обещанного освобождения человечества, на него были надеты еще более крепкие оковы, это произошло по вине манипулятивных технологий, которые достаточно широко используются постмодернистами. В своем фундаментальном исследовании этой серьезной социальной проблемы С.Г. Кара-Мурза упоминает роман Достоевского «Братья Карамазовы»: «Описывая внутренний мир всех участников акта манипуляции сознанием, художники порой создают сложные модели, которые потом надолго становятся уже предметом научных исследований. В «Братьях Карамазовых» Достоевский «расщепил» душу человека, представив каждую ее часть в виде отдельного участника сложного конфликта. <...> Но главное, он создал провидческую модель, почти алгоритм «русской манипуляции», которая безукоризненно работает

именно при наличии в общественной среде «всех Карамазовых». Наши политики по советам своих умных экспертов-культурологов, раз за разом безотказно используют этот алгоритм. А мы, вместо того, чтобы Достоевского внимательно прочитать, все ищем какие-то психотропные лучи» [8, с. 13].

Рассмотрим модель манипуляции сознанием, которую описал Достоевский в «Братьях Карамазовых». Главный принцип любых манипулятивных действий – это их незаметность для окружающих. Жертва манипуляции и не подозревает, что ее изначально лишили свободы личного выбора. Человека теперь не принуждают, используя грубое насилие, а перепрограммируют, задают алгоритмы поведения и действий извне. Грубое физическое насилие вызывает у подавляемой личности озлобленность и недовольство, насилие же в виде «духовного наркотика» – приятно. Жертва манипуляции не замечает, что уже не принадлежит себе – ее проживают другие. В экзистенциальной философии эту опасность для личности очень ярко выразил М. Хайдеггер, а до него – Достоевский. Остановимся на взглядах немецкого мыслителя несколько подробнее. В чем сущность подхода М. Хайдеггера? Он пытается выяснить механизм воздействия «массового общества» на отдельного человека. Произошли титанические сдвиги в народонаселении. Количество жителей планеты постоянно увеличивается, XX век мы можем назвать своеобразной эпохой «восстания масс». Распадаются внутриобщественные связи, происходит в глобальном контексте манипуляция сознанием огромного числа людей, навязывание им стереотипов моды, поведения, языка, политических взглядов, потребительских вкусов и так далее. В этом, по мнению М. Хайдеггера, заключается бегство современного человека от самого себя, своего собственного «Я». Этот деформирующий личность процесс, в котором она уже не принадлежит себе, можно сравнить с духовным порабощением. Современный человек постиндустриальной эпохи уже практически не задумывается о смысле собственной жизни, выборе индивидуального пути, индивидуум погружен в мир банальных всеобщих стандартов «социума потребления». Человек не только отчужден от других людей, но и от себя самого, от своего собственного настоящего «Я». Немецкий мыслитель рассуждает о том, что эмоционально-нравственная по-

требность в близком, однозвучном мире, тоска по своему alter ego, вызываемая одиночеством, постоянно заглушается страхом перед возможной враждебностью, насмешливостью этого чуждого самости мира, перед угрозой попасть к нему в плен, быть «использованным». В результате развития самоотчуждения человека от общества оно прямо перерождает, нравственно-психологически опустошает внутренний мир индивида; он уже не имеет больше ничего своего и даже испытывает в некотором роде страх, что от него может потребоваться это свое. «Человек сам для себя становится настолько иным, – пишет в своей книге С. В. Поросенков, – что открытость бытия в его самопонимании сведена к констатации «есть» подобно тому, как «есть» электрон, есть камень, которые в простоте своего «есть» вовсе никак себя для себя не обнаруживают»[15,с.347]. Н.Бердяев в своей книге о Достоевском приравнял идеи, высказанные Великим Инквизитором, к католическому или социалистическому учению, но это несколько «узкий» подход. Теория «духовного тоталитаризма» (манипуляции), пожалуй, в большей степени относится к современной эпохе постмодерна, которая сделала манипуляцию сознанием своим главным оружием духовного порабощения личности. Свобода современного индивида есть мнимая свобода. Личность убеждена в том, что никакая сила в мире не способна подтолкнуть ее к тому или иному выбору, но это лишь иллюзия сознания современного человека. Массовое общество очень точно зомбируется, детально разработаны методы управления целыми народами, свобода современного человека – миф, ничего общего не имеющий с реальностью. Актуально, как никогда, в свете теории манипуляции сознанием звучат слова Великого Инквизитора в романе Достоевского, который говорит Христу: «Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим». [4,с.292].

Манипулятивные технологии используются во всех сферах современного постиндустриального общества, начиная с банальной рекламы, способствующей продвижению какого-либо бренда в рыночной среде, и заканчивая политическими технологиями, содейст-

вующими продвижению целых партий или отдельных личностей в высшие эшелоны власти. В современных политических кампаниях, например, утрачивается сама возможность независимого выбора человека. Миллиарды людей через средства массовой информации получают свой «духовный наркотик», их воля и разум поражены, телевидение создает искаженную виртуальную реальность, своеобразный симулякр, декорацию подлинной реальности: «Человек, с детства прикованный к телевизору, уже не хочет выходить в реальный мир, полностью верит именно шарлатанам, которые манипулируют фигурками и кнопками» [8,с.299].

В романе Достоевского Алексей Карамазов заявляет, что такой циничный план по внутреннему порабощению человека мог быть разработан только масонами. Создана скрытая от глаз человечества могущественная организация, которая правит миром, выбирая различные методы воздействия. Появилась закрытая интеллектуальная структура, которая рассматривает остальное человечество в качестве «неразумных детей». Пророчески в этом смысле звучат слова Великого Инквизитора в романе «Братья Карамазовы»: «Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке» [4,с.287].

Зададимся вопросом, для чего осуществляется глобальная манипуляция сознанием всего человечества? Делается это для того, чтобы предотвратить тотальное восстание масс. Глобальное возвращение человека к самому себе, своей самости чрезвычайно опасно, так как этот процесс может привести к существенной деформации современный относительно стабильный мир. Чтобы этого не произошло, нужно «украсть» человеческое «Я» каждого жителя планеты. Золотой миллиард западного мира существует за счет другой части человечества, процесс ограбления которого был бы невозможен без четко разработанных манипулятивных технологий. Именно этой цивилизацией создана универсальная методика жесточайшего «духовного тоталитаризма», в которой уже невозможен независимый выбор человека. Настает эпоха фальшивой свободы и построения общества апатии и скуки. В романе Достоевский пишет: «У нас все будут счастливы и

не будут более бунтовать и истреблять друг друга, как в свободе твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [4,с.269].

В своем фундаментальном исследовании деформирующей идеологии постиндустриального общества, которое тотально господствует над личностью, С.Г. Кара-мурза отметил, что индивид через средства манипуляции и систему образования утрачивает чувство реальности. Речь идет о миллиардах «счастливых младенцев», о которых писал в своем романе Достоевский, в их сознании стерта грань между подлинным и виртуальным, правдой и ложью: «Западные философы, изучающие современность, говорят о возникновении общества спектакля. Мы, простые люди, стали как бы зрителями, затаив дыхание наблюдающими за сложными поворотами захватывающего спектакля. А сцена – весь мир, и невидимый режиссер и нас втягивает в массовки, а артисты спускаются со сцены в зал. И мы уже теряем ощущение реальности, перестаем понимать, где игра актеров, а где реальная жизнь. Что это льется – кровь или краска? Эти женщины и дети, что упали, как подкошенные, в Бендерах, Сараево или Ходжалы – прекрасно «играют смерть» или вправду убиты? Здесь возникает диалектическое взаимодействие с процессом превращения людей в толпу. Ле Бон сказал о толпе, что «нереальное действует на нее почти так же, как и реальное, и она имеет явную склонность не отличать их друг от друга». Речь идет о важном сдвиге в культуре, о сознательном стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Это происходило, как показал М.Бахтин, при ломке традиционного общества в средневековой Европе. Сегодня эти культурологические открытия делают социальной инженерией» [8,с.192].

Таким образом, Достоевский в «Легенде о Великом Инквизиторе» говорит именно о современном «обществе потребления» (если пользоваться терминологией Э. Фромма), а не о коммунистическом социуме, как писали Н.А. Бердяев и В.В. Розанов.

Постмодернистское общество потребления изымает всякую идеальную мотивацию из сферы общественного сознания. Сове-

менный человек думает лишь о материальном, которое можно ощутить, приобщить к себе, овеществить, сфера духа находится вне его сознания: «Вся капиталистическая система хозяйства есть детище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь в обществе, которое окончательно отказалось от христианского аскетизма, отвернулось от неба и исключительно отдалось земным удовлетворениям». [1,с.561]. Сам исторический прогресс был возможен благодаря идеальной мотивации, смене идеологий. Но сейчас мы можем констатировать «смерть идеологий», нужно было уничтожить все мобилизующее, именно для этого было создано постмодернистское общество потребления, в котором будет много сытых и довольных людей, но этот социум будет состоять из порабощенных индивидов. Именно об этой опасности предупреждал нас Достоевский в своем романе.

Практически мы можем говорить о ликвидации важнейших прав личности в современном постиндустриальном обществе. Настала эра нового «информационного тоталитаризма», в которой человек и его свобода избрания (свобода выбора человека) так и не стала высшей ценностью, и это не менее опасный путь духовного рабства личности. «Жизнь духа должна быть свободна и неприкосновенна, – пишет в своей статье С. Л. Франк, – мысль и совесть не могут находиться под властью людей – они подчинены лишь своему собственному верховному суду и лишь перед ним повинны отчетом». [17,с.69]. Ю. Карякин в своей книге о Достоевском отметил, что идеи, высказанные писателем, актуальны во все времена. Кажется, будто Достоевский не писатель-реалист, как он себя называл, а писатель-фантаст. И многие из его пророчеств, которые не понимали его современники, сбылись уже после смерти Достоевского. Этот дар пророка является самым существенным подтверждением гениальности русского писателя.

Таким образом, перед нами крайне четко обозначилась вторая характерная черта образа человека будущего – это его внушаемость. Мощная индустрия развлечения и дезинформации формирует социум «счастливых младенцев», которые всецело повинуются направляющей их руке. Манипуляция сознанием стала новым видом «информационного тоталитаризма» эпохи постмодерна.

Перейдем к третьей черте образа человека будущего эпохи постмодерна. Один из ярких представителей философии данного направления Ж.Делёз определял смысл как «поверхностный эффект». После того как становится очевидным, что платонические небеса и мистериальные недра философии досократиков – всего лишь культурологические симулякры и декорации, исчезает и смысл этих явлений. Замечательный психолог XX века В. Франкл ввел в научный и философский обиход интереснейший термин – «экзистенциальный вакуум». Данное болезненное состояние души человека можно описать как синдром отсутствия осознанного смысла жизни, данной болезнью поражена значительная часть индивидов западного общества. А.Зиновьев, много проживший на Западе, отметил, что данный социум является неудовлетворенным сообществом, несмотря на высокий уровень потребления материальных благ, огромное число «западников» ощущают себя несчастными и одинокими, сотни миллионов представителей данной цивилизации употребляют антидепрессанты. Растет волна самоубийств: «Прогресс западного общества порождает противоречивые следствия. С одной стороны, бытовой комфорт, питание, спорт, медицина, гигиена очевидным образом способствуют улучшению здоровья людей и усовершенствованию биологического вида. А с другой стороны, имеет место рост числа инвалидов от рождения, алкоголизма, наркомании, склонности к насилию и извращениям, импотенции, аллергии, гомосексуализма, новых видов эпидемий... Люди в большинстве случаев даже не отдают себе отчет в том, что они душевно больны» [7,с.123]. Таковы негативные последствия воздействия Системы, которая демонтирует смыслы: «Начнем с того, что Система запрограммирована на поедание смыслов, а не на их производство. Пожрав определенные смыслы (советские, коммунистические), Система-пожиратель хочет сожрать еще что-нибудь. Что именно? Для начала что-нибудь родственное. Не коммунистическое, так хилиастическое... Историческое... Греховно занятое развитием... Но если Система-пожиратель запрограммирована на пожирание смыслов, а также на пожирание того, что порождает эти смыслы, а также пожирание всего, что «порождает порождающее»?.. Тогда пожирание смыслов становится самодостаточным. Война против определенных

смыслов превращается в войну против смыслов как таковых» [11, с. 404].

Трагизм подобной ситуации в том, что изъяв все смыслы, которыми жив человек, адепты постмодернизма делают его нежизнеспособным. Эта тайна раскрыта еще Достоевским в своих романах. Смыслы бытия человека могут носить разную окраску, начиная от религиозных и заканчивая смыслами служения своему Отечеству, народу, близким, но в постмодерне буквально высмеяна подобная смыслообразующая традиция. Ф.Фукуяма пишет о том, что главный смысл бытия человека может быть найден в максимальном потреблении материальных благ. Но даже Великий Инквизитор из романа Достоевского «Братья Карамазовы» настаивает на том, что одни материальные блага не в силах дать человеку подлинное счастье: «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы» [4, с. 274]. Отличие личности от зверя заключается в том, чтобы не просто экзистировать, а в том, чтобы существовать для чего-либо, осмысленно существовать. Задумываться о смысле жизни – привилегия сознания только человека, даже самые высокоразвитые приматы не способны на это. Жизнь человека должна быть освещена высшим метафизическим смыслом, преодолевающим личную замкнутость: «...осмысленная жизнь неизбежно должна быть служением чему-то иному, чем она сама, как замкнутая в себе личная жизнь, что лишь в исполнении призвания, в осуществлении какой-либо сверхличной и самодовлеющей ценности человек может найти самого себя как разумное существо, требующее разумной, осмысленной жизни» [16, с. 173]. В этом пафос романа Достоевского «Братья Карамазовы», и особенно его главы «Великий Инквизитор». В своем «Дневнике писателя» Достоевский пишет: «А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает свою разумную цель на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни (ощущается хотя бы лишь в виде самой бессознательной тоски), несомненно, ведет за собой самоубийство» [4, с. 261].

Крестовый поход постмодернистов против классики привел к размыванию идеалов прошлого, которое они хотят сбросить с корабля современности. Их коренное отличие от модернистов в том, что последние предлагали альтернативную метафизику, новый великий идеал, а для постмодернистов – это бессмысленное занятие, в постмодерне нет места идеалам, зияет Ничто (пустота). Движение в пустоту – дорога постмодерна.

Четвертой важной чертой образа человека будущего является его внеисторичность. Если человек эпох домодерна и модерна сократили свое прошлое, крайне бережно относился к нему, сам активно участвовал в историческом процессе, то индивид эпохи постмодерна отказался от своего прошлого, из-под его ног была выбита национальная почва. А.С. Панарин пишет: «Создатели новых наций модерна использовали национальный музей как особый социальный институт, в котором находили опору коллективная идентичность интегрированной политической нации, ее гордость, ее вера в свое историческое призвание и будущее. Музей был пантеоном, в котором обитали тени героев-освободителей, взывающие к благодарной памяти потомков и к их национальному достоинству. Во что же превращают национальный музей деконструктивисты глобализма, опасющиеся сопротивления со стороны носителей национального суверенитета? В нечто прямо противоположное пантеону — в пристанище темных демонов и сил «проклятого прошлого», откровенно уличающих современников в неисправимо плохой исторической наследственности. «Деконструкторы» неистово выискивают в национальном прошлом, отдаленном и недавнем, тайных и явных злодеев, которые якобы и монополизировали историю «этого» народа. В биографиях национальных героев — политических лидеров, полководцев, литературных классиков — неизменно находятся компрометирующие «детали», которые при известном кумулятивном эффекте заставляют менять плюсы на минусы и превращают героев в антигероев. Постмодернисты здесь ведут себя как своего рода психоаналитики, задумавшие унижить национальное самосознание, пропустив через препоны спасительной моральной цензуры скандальные позывы и импульсы «подсознательного», прежде надежно запертые. В резуль-

тате систематического употребления таких процедур нация оказывается полностью деморализованной: ей ничего не остается, кроме как стыдиться всего своего прошлого и самой своей идентичности, выступающей как знак изгойства и отверженности» [13, с.134-135].

Личность, забывшая свое прошлое, вырванная из контекста национальной культуры – типичная личность эпохи постмодерна. Неслучайно пристальное внимание постмодернистов привлекает сама идея клонирования, создания «идеального нового человека», старый индивид модерна исчерпал свой ресурс. Но здесь возникает существенная этическая проблема создания «новой личности» постмодерна, так как существует опасность появления индивида «без свойств и качеств». Из его сознания стирается не только историческая память, но и подсознательный архетип нации, к которой он принадлежит. Создается «модель» искусственного биоробота, человека без национального архетипа. Постмодерн в своей трактовке антропологии пытается разорвать неотчуждаемую связь личности с национальным языком, культурой и традицией, данная операция может быть осуществлена благодаря геной инженерии, именно при помощи ее может быть осуществлен переход к новому индивиду эпохи постмодерна. А. Дугин в своем исследовании отметит: «Новый человек глобального мира, его идеальный субъект – это клон» [6,с.99]. В постмодернизме происходит деформация не только культуры, но и самой личности. Экстраполируя данную проблему на социальный уровень рассмотрения, можно говорить о серьезной деформации культурной среды. Время не теряет своей бытийственной направленности от прошлого к будущему, люди не исчезают, однако происходит глубинное изменение пространства культуры, наступает трансформация определенных ценностей, осуществляется период перерождения культурного пространства. В постиндустриальную эпоху взаимодействие между индивидами не регулируется более внерациональными принципами: обычаями, традициями, верой в метафизическое, этическими принципами. Можно отметить, что произошло перерождение духовности человека, торжествует только разум, а все ценности заменяются информацией и различными технологиями. О.Шпенглер напишет: «Воцаряется мозг, а душа вышла в отставку». «Технологизация человека в его жизни разворачивается в объективно всеобщий процесс. Вместо

общения – технология общения, вместо любви – технология секса, вместо искусства – технология манипулирования образами и звуками, – пишет С.В. Поросенков, – вместо счастья – технология его достижения, вместо питания – технология питания. <...> Техно-логии предстают как логически обоснованные, выявляемые на основании аналогии с уже функционирующими техническими системами, формализованные или социально фиксируемые действия человека во взаимодействии с техническим системами, обществом, природой, собственным организмом, психикой, духовной жизнью» [15,с.341].

Один из самых ярких представителей постмодерна Ж. Бодрийяр не без удовольствия пишет о «новых клонах» – прообразах человека будущего, которые со временем заменят «ветхого» индивида эпохи модерна. Некоторых персонажей неотдаленного будущего мы можем созерцать уже в наши дни: «Посмотрите на Майкла Джексона. Он одинокий мутант, предшественник всеобщего и потому величественного смешения рас, представитель новой расы. Перед сегодняшними детьми нет никаких преград на пути к обществу смешанных рас: оно – их Вселенная, а Майкл Джексон предвосхищает то, что они представляют себе как идеальное будущее. К этому надо добавить, что Майкл Джексон и переделал свое лицо, и взбил волосы, и осветлил кожу – короче, он самым тщательным образом создал сам себя. Это превратило его в невинное, чистое дитя, в искусственный, сказочный двупольный персонаж, который скорее, чем Христос, способен воцариться в мире и примирить его, потому что он ценнее, чем дитя-бог: это дитя-протез, эмбрион всех мыслимых форм мутации, которые, вероятно, освободят нас от принадлежности к определенной расе и полу» [21,с.258].

И хотя все эти устремления медленно, но верно воплощаются, становятся частью реальности, их неизбежный крах становится всё более очевидным. Его предвестником стала внезапная смерть Майкла Джексона. Из-за нее мир узнал, во что на самом деле превратил себя поп-идол. От осмотра его тела испытали шок даже опытные патологоанатомы. На момент смерти Джексон был практически лысый, весь покрыт бесчисленными ранами от медицинских игл и весил всего 51 килограмм. В его желудке были только таблетки, а его тело имело

множественные шрамы, оставленные, по некоторым данным, 50-ю пластическими операциями.

Труп короля поп-музыки представлял собой изувеченное чахлое тело, из которого задолго до смерти ушла жизнь. Христос нес в мир определенные духовные и этические ценности, а главное – новые смыслы бытия, но что принес в мир популярный музыкант из Америки?

Категории «иметь и казаться» полностью демонтировали в нем более глубокую сущность «быть»: «Каждый ищет свое обличие. Так как более невозможно постичь смысл собственного существования, остается лишь выставлять напоказ свою наружность, не заботясь ни о том, чтобы быть увиденным, ни даже о том, чтобы быть» [21,с.260]. Произошел бесславный конец киборга поп-культуры, который довёл отрицание своей собственной природы до предела и умер от экзистенциального ужаса полной утраты самоидентификации.

Постмодернистская методология предоставляет возможность для того, чтобы не только похитить настоящее внутреннее «Я» человека, сделать из личности послушный автомат, который существует в мире симулякров, но теперь появляется возможность похитить тело человека, его самоидентификацию. Делается все, чтобы он не «заглядывал внутрь себя», забыл о бытийственном самопонимании. «Проблемы самоидентификации, рост психических болезней, рост самоубийств, кризис семьи, – пишет С.В. Поросенков, – смена пола, гипертрофия и эстетизация насилия в массовой культуре указывают на эмпирические проявления процесса исчезновения онтологического самоопределения отдельного человеческого существования» [15,с. 358]. Человек постмодерна противится замыслу природы о нем (в религиозной традиции Бога) он сам волен конструировать себя, определять свою физическую качественность. Образ человека будущего эпохи постмодерна предстает в образе конструктора «Лего». Мир патологической искусственности убивает в нем все живое, индивид постмодерна превосходит «ветхого» человека эпохи модерна возможностью конструировать себя по образу и подобию «новых эталонов».

Подведем некоторые итоги: исходя из постмодернистской парадигмы, перед нами предстает достаточно специфический образ лич-

ности будущего. Безусловно, он является «неклассическим» человеком, которого мы созерцали в эпохе модерна. В сознании человека эпохи модерна демонтирована граница между реальным и искусственным. Данный индивид живет в мире симулякров, а постиндустриальный социум предстает в виде общества скуки и апатии, человеку постмодерна не к чему стремиться. Украдена не только его телесность, но и подлинное настоящее «Я», человека постмодерна проживают другие. Еще одной важной чертой образа человека будущего эпохи постмодерна является наличие у него синдрома «экзистенциального вакуума», постмодернисты, ведя борьбу за уничтожение бытийственного смысла, подвергли личность страшной опасности, сделали его менее жизнеспособным. Игра в разрушение смыслов – страшная затея с возможными печальными последствиями: «Напротив, деконструктивизм неизменно берет себе в союзники силы разложения и глумления, инстанции, играющие на понижение, на испровержение «божественной триады» — Истины, Добра и Красоты. Антиподы этой триады, справедливо «униженные» онтологически и морально в классической картине мира, берут реванш в постмодернистской. Почему люди постмодернистского темперамента не просто больше верят в торжество ложного, злого и безобразного — тогда их можно было бы назвать онтологическими пессимистами и ипихондриками, — но предпочитают брать в союзники носителей этих начал, предоставляя им особый кредит поддержки и доверия»[13,с.130].

Можно ли что-либо противопоставить разрушительному воздействию постмодерна? А. Дугин в своей новой книге пишет: «Сегодня постмодерн достиг исторической победы. На сей раз не только над традиционным обществом, но и над самим модерном. И снова, как в эпоху Просвещения, можно противостоять постмодерну. На сей раз, правда, и архаические консервативные идеологии, и преодоленные идеологии модерна оказываются по одну сторону баррикад» [6,с.68]. Одновременно необходимо сформировать альтернативный постмодерну образ человека будущих эпох. Каким будет этот альтернативный взгляд на человека? На чем он может базироваться? Прежде всего, на подлинность личности против «театрализации» и симулякризации ее бытия. Человек сверхмодерна (в терминологии С.Е. Курги-

няна) должен выйти из мира снов и иллюзий, навеянных телеэкраном в реальный мир, должен осуществиться экзистенциальный прорыв к реальности и подлинности. Второй чертой образа человека будущего, преодолевшего постмодерн, может быть глубокое осознание новых и настоящих смыслов бытия, их поиск, а не всеобщая успокоенность в «сомнамбулическом сне». Еще в XIX веке великий Достоевский предупреждал личность о том, что, потеряв подлинный смысл существования, она становится нежизнеспособной. В.Франкл в своих психологических очерках всецело подтвердил правоту этого тезиса. Третьей важной чертой человека сверхмодерна может быть его пассивная активность, жажда творить исторический процесс, жажда духовного восхождения вместе с другими. Этого человека будущего уже не удовлетворит тезис Ф. Фукуямы о «конце истории», а общество скуки будет заменено социумом стремительного восхождения. Необходимо широкое объединение сил, противостоящих разрушительным тенденциям постмодерна: «Идейное сопротивление постмодернизму и текстуре оказывают религиозные движения, философская антропология, экзистенциализм, герменевтика, понимающие подходы в познании. Гуманизация образования стала одной из актуальных забот общества. В социально-политическом плане неприятие космополитизма и либерального тоталитаризма, желание сохранить этнонациональное своеобразие доходит до обращения к язычеству, к глубинной экологии, до возрождения фундаменталистских и фашистских движений, опасность которых можно купировать лишь идеологией патриотизма, поддержанием культурного разнообразия мира» [12]. Именно благодаря победе тенденций сверхмодерна возникнет позитивный образ человека будущего, эта личность будет жить в мире реального, а не виртуального, она уже не будет игрушкой в руках ловких манипуляторов. Личность сверхмодерна сделает прорыв к своей подлинности, ее бытие будет наполнено смыслом, данные черты будут залогом не «конца истории», а ее динамичного развития, этим человеком будущего будет продолжена прерванная ныне эпоха гуманизма.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества.- М.: АСТ, 2002. – 688 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 327с.
3. Гаджиев Введение в геополитику. – М.:Логос, 1998. – 416с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Художественная литература, 1972. – 389 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. – М.: Азбука, 1999. – 515 с.
6. Дугин А. Геополитика постмодерна. – СПб.: Амфора, 2007. – 382с.
7. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000. – 638с.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.:ЭКСМО-пресс, 2002. – 832 с.
9. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. – 768с.
10. Козловский П. Современность постмодерна. // Вопросы философии.1995. №10. С.85-95.
11. Кургинян С.Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире. Том 2. «ПОСТ» и «СВЕРХ» – М.: МОФ ЭТЦ, – 2009. – 572 с.
12. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура // Вопросы философии. 1996.№11. С.23-32.
13. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера. // Сумерки глобализации. – М.: АСТ, 2004. – 348с.
14. Петров К.П. Тайны управления человечеством или Тайны глобализации. – М.: Академия управления, 2008. – 875с.
15. Поросенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002–408 с.

16. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
17. Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 604 с.
18. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. – М.: Мысль, 1993. – 663с.
21. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.